

Владимирцев, В. Мусса Джалиль и его бессмертные песни [Текст] : [фрагмент статьи о моабитском цикле] / В. Владимирцев, В. Ганиев // Джалиль, М. Избранные произведения : стихи, песни, поэмы / М. Джалиль. – Казань: Татарское книжное издательство, 1969. – С. 10-11.

...

Самый высокий взлет таланта Мусы Джалиля, самая высокая вершина его творчества — замечательные стихи моабитского цикла, ставшие единственным в своем роде литературным памятником нашего времени.

Отсвет героизма лежит на стихотворениях этого цикла, многие из которых написаны в камере смертника, в ожидании казни. Поэт внешне спокоен («Улыбкой гордою опять сияет взгляд»), его сдержанность — от сознания трагизма. Но этот трагизм не безысходный, он вытекает из необходимости жертвовать собой в борьбе:

*Пусть мы погаснем — от бесстрашной смерти
В Отчизне нашей ярче вспыхнет свет.*

(«Другу»)

В моабитском цикле немало юмористических стихов. Трудно поверить, что эти строки — то светлые, то чуть грустные — написаны в той невероятно чудовищной обстановке фашистского плена. В последний период жизни Джалиль чаще шутил в стихах и создал такие шедевры юмористической поэзии, как «Беда», «Гроб», «Влюбленный и корова», «Простуженная любовь». Это ли не свидетельство духовной мощи поэта!

Необыкновенно нежные лирические стихотворения Джалиля, посвященные жене, дочери, друзьям, занимают значительное место в «Моабитских тетрадах». Поэт как бы заново пережил свой жизненный путь и по-новому открыл для себя высокий смысл любви и дружбы.

Рядом с интимной лирикой — стихи, пронизанные раздумьями о судьбах всего человечества. В период смертельной схватки с фашизмом Джалиль остался подлинным интернационалистом. Для него не были тождеством понятия «немецкий фашизм» и «немецкий народ». Напомнив о революционных традициях немецкого пролетариата и его вождях — Карле Либкнехте, Розе Люксембург, Эрнесте Тельмане, Кларе Цеткин, он обращается к прогрессивным силам Германии:

*Кто Цеткин внук?
Кто Тельмана друг?!
Есть среди вас такие, эй?
Услышьте голос великой правды!
Наши тюрьмы откройте скорей!*

(«В стране Алман»)

В каменном мешке Моабита Джалиль ощущал себя по-прежнему борцом, участником битвы против фашизма. Эта борьба, естественно, обостряла зоркость поэта, удесят�еряла накал страстей в его стихах.

Джалиль ни на минуту не сомневался, что советский народ одержит победу в этой кровопролитной битве («Придет Москва, нас вызовет Москва...») и в целом ряде стихотворений нарисовал картины послевоенного мирного созидания:

Пусть в тумане рассветной поры

Тракторы загудят!

Пусть играют в лучах топоры!

Пусть хлеба шелестят!

Это стихотворение так и называется — «После войны», а датировано оно октябрем 1943 года!

Поэту не было дано работать в обычных условиях (бумаги не было, приходилось писать на полях газет). Тем не менее Джалиль достигал отточенности и предельной ясности в каждой поэтической строке — «Моабитские тетради» содержат их более трех тысяч. Он писал о том, что его особенно волновало — о жизни и борьбе. Потому и стихотворения его созданы высоким накалом души, напряженностью мысли, предельной требовательностью к себе автора. И созданы вдохновенно. Надо представить себе условия фашистских застенков, где после жестоких пыток и допросов огрызок карандаша был для поэта целым сокровищем, чтобы понять чувства, обуревавшие Джалиля-узника:

Я вновь хочу, не ведая преград,

Писать, писать, писать, не уставая,

Пускай мои минуты сочтены,

Пусть ждет меня палач и вырыта могила,

Я ко всему готов. Но мне еще нужны

Бумага белая и черные чернила!

Бесконечно дорогие сердцу, волнующие «Моабитские тетради» стали стихами-товарищами, которые сопровождают нас на жизненном пути. Джалиль, кстати, в этом не сомневался:

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,

Ныне в отчизне цветите в тепле.

...